

Сюжет Толстого—отраженіе предмета, о котором
идеть рѣчь.

II.

Когда появились очерки о севастопольской оборонѣ,—одинъ изъ русскихъ писателей сказалъ: „Этотъ офицеренко веѣхъ насъ за поясъ заткнетъ“.

Самъ же Толстой про начало своей литературной дѣятельности говоритъ: „Мнѣ было 26 лѣтъ, когда я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями, меня приняли какъ своего. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь усвоились мною... Мы—люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники-поэты. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію“. Но когда Толстой присмотрѣлся къ „соли человѣчества“, то встрѣтилъ въ ней такихъ же самоувѣренныхъ и довольныхъ собою людей, какихъ, говоритъ онъ, встрѣчалъ въ „прежней разгульной и веселой жизни“. „И самъ себя опротивѣлъ“.

Ключъ къ нравственной и писательской личности Толстого—недовольство собой, исканіе смысла жизни. Передъ молодымъ художникомъ предстала великая задача, поглотившая его безъ остатка: *отлание жизни*. Онъ сказалъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну и чтожь? Я, говоритъ Толстой, ничего не могъ отвѣтить“.

Отвѣтъ данъ жизнью Толстого—и описать мѣняющіеся контуры такой „большой жизни“ въ небольшой статьѣ чрезвычайно трудно, можно попытаться уловить лишь нѣкоторыя основныя черты.